

УДК 809.454.2

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

аспирант, стажер-исследователь сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
 bel.irina@rambler.ru

ЧЕРЕДОВАНИЕ СТУПЕНЕЙ СОГЛАСНЫХ В СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Фонетическое явление чередования ступеней согласных характерно большинству прибалтийско-финских языков. В статье рассмотрена история формирования чередования в собственно карельском наречии карельского языка, а также современное распространение явления во всех диалектах данного наречия.

Ключевые слова: карельский язык, фонетика, чередование ступеней согласных

Чередование – это факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления [1; 513–514]. Пр. кар.: *kukko* 'нетух', но *kukot* 'нетухи'; *joki* 'река', но *jovet* 'реки'.

Чередование ступеней согласных – одна из основополагающих особенностей прибалтийско-финской морфонологической системы. Большинство исследователей относят зарождение этого явления к периоду функционирования прибалтийско-финского языка-основы.

Для прибалтийско-финского праязыка было характерно радикальное и суффиксальное чередование. При радикальном чередовании, на рассмотрение которого остановимся в рамках данной статьи, изменение происходило в основе слова вследствие присоединения к ней аффикса, а при суффиксальном – в самих аффиксах. В языке-основе функционировали количественное, то есть затрагивающее удвоенные согласные, и качественное чередование, распространяющееся на одиночные смычно-взрывные согласные и сочетания согласных. Чередование распространялось только на фонемы, находящиеся в звонком интервокальном и постконсонантном положении. Выбор ступени при радикальном чередовании зависел от качества слога. Сильная ступень (неизменная) выступала в открытом слоге, заканчивающемся на гласный, а слабая (изменная) в закрытом, заканчивающемся на согласный звук [16; 145–147].

Таким образом, в прибалтийско-финском языке-основе геминаты чередовались со своими редуцированными соответствиями: **kk>kk*, **tt>tt*, **pp>pp*, **tts>tts*. В результате качественной редукиции соответствием смычно-взрывных согласных **k*, **t*, **p* в слабой ступени стали выступать спиранты **γ*, **δ*, **β*, а в положении после носовых – звонкие согласные **g*, **d*, **b* [21; 19]. Еще в период функционирования языка-основы система чередования ступеней согласных претерпела ряд изменений. К ним относятся редукиция слабоступенных аллофонов геминат до

одиночных согласных (**kk>k*, **tt>t*, **pp>p*, **tts>ts*), ассимиляция спирантов и звонких согласных с предшествующими сонорными и носовыми (**ly>ll*, **ry>rr*, **rd>rr*, **ld>ll*, **ng>nn*, **nd>nn*, **mb>mm*) [21; 86]. Эти изменения затронули все диалекты праязыка и отразились в древнем карельском языке, сформировавшемся в конце I – начале II тысячелетия на Карельском перешейке [13; 349–353].

Древний карельский язык сохранил все виды чередования ступеней согласных. Количественное чередование в основе слова распространялось на геминаты **kk>k*, **tt>t*, **pp>p*, **čč>č*. При качественном чередовании в слабой ступени произошла замена спирантов другими согласными или их полное исчезновение. Таким образом, смычно-взрывные согласные **k*, **t*, **p* стали чередоваться с нулем звука или с согласными **j*, **v*. Чередования сочетаний согласных **lt>ll*, **rt>rr*, **nt>nn*, **nk>nn*, **mp>mm* сохранились в древнем карельском языке как наследие прибалтийско-финского праязыка. А в чередованиях **lk>ll*, **rk>rr* произошло сокращение геминат до одиночных согласных **ll>l*, **rr>r*, вызванное, вероятно, совпадением с аналогичными алломорфами, возникавшими при чередовании сочетаний согласных **lt>ll*, **rt>rr*.

Если в прибалтийско-финском праязыке чередование происходило только в звонком фонетическом окружении, то в древнем карельском языке в отношении чередования по аналогии с более древними вступили также сочетания глухих со смычно-взрывными согласными **sk*, **st*, **tk*, **hk*, **ht* [14; 285–287].

Требуют пояснения сочетания **tk*, **st*, **hk*. Чередования *tk>t*, *st>ss* встречаются в карельском и ижорском языках, но почти полностью отсутствуют в восточных финских диалектах. Л. Кеттунен и В. Руоппила называют их исконными древними карельскими чередованиями, исчезнувшими в восточных диалектах финского языка в результате влияния его западных диалектов [23; 32–33, 49]. Об этом также свидетельствует наличие

чередования в ижорском языке. В свою очередь, чередование *hk:h* встречается только в восточных говорах финского языка и ижорском языке, но отсутствует в большинстве диалектов карельского языка. Очевидно, данный вид чередования был характерен древнему карельскому языку, но исчез из восточных районов его распространения. Причиной могло послужить совпадение слабоступенных форм сочетаний *hk* и *ht*. Скорее всего, аналогичная причина повлияла на утрату чередования сочетанием **nk* в том же регионе [18; 99–101].

В конце Средних веков древний карельский язык начал делиться на диалекты. Первым в XII веке от него ответвился ижорский праязык [22; 8–9]. Причиной дальнейшего деления послужили как влияние соседних языков, так и историческая ситуация, то есть военные конфликты между Россией и Швецией. Установление первой известной границы между государствами в 1323 году привело к делению корелы – единого этнического образования – на три группы: Новгородская Карелия, Шведская Карелия и Саво [7; 61]. На территории бытования двух последних в итоге сложились восточные диалекты финского языка, а карельский язык Новгородской Карелии стал основой современных карельских наречий.

Дальнейшие военные действия XVI–XVII веков привели к оттоку карельского населения с исторической территории. Поток беженцев хлынул на Олонецкий перешеек, где в итоге сформировались ливвиковское и людиковское наречия карельского языка [7; 61–67]. Разница между этими наречиями объясняется степенью сохранения вепсского субстрата. Людиковское наречие испытало большее влияние соседнего языка и полностью утратило качественное чередование ступеней согласных. Ливвиковское наречие его сохранило, утратив, однако, чередование смычно-взрывных, находящихся в позиции после глухих согласных.

Миграция карел проходила в северные и центральные регионы современной Карелии, а также на тверские и новгородские земли. Таким образом сформировавшееся собственно карельское наречие является прямым наследником языка Новгородской Карелии, наиболее полно сохранившим его фонетические особенности, в том числе систему чередования ступеней согласных.

В составе собственно карельского наречия принято выделять севернокарельские (кестеньгский – кст., контоцкий – кнт., оулангский – олг., тихозерский – тхз., ухтинский – ухт., вычетабольский – вчт., вокнаволоцкий – вкн.), переходные (юшкозерский – юшк., панозерский – пнз., подужемский – пдж.) и южнокарельские (ругозерский – ргз., тунгудский – тнг., ребольский – рбл., падацкий – пдн., поросозерский – прз., мяндусельский – мдс., тихвинский – тхв., вальдайский – влд., толмачевский – тлм., весьегонский – всг., держанский – држ.) диалекты [6; 7].

Рассмотрим, как функционирует чередование ступеней согласных во всех этих диалектах,

опираясь на работы Д. В. Бубриха [4], [5], Е. В. Ахтия [12], Т. Лильеблада [19], Д. В. Рягоева [11], П. Палмеоса [20], К. В. Маньжина [8], А. А. Белякова [2, 3], а также примеры из сборников образцов речи [9], [10], [15], [17] и полевые материалы.

Собственно карельское наречие довольно полно сохранило количественное и качественное радикальное чередование ступеней согласных. Основным условием чередования остается тип слога: в открытом слоге представлена сильная ступень, в закрытом – слабая. Все исключения из этого правила можно объяснить, обратившись к истории языка.

Во всех диалектах собственно карельского наречия в **количественное чередование** вступают удвоенные согласные *kk*, *tt*, *pp*, *čč*. Данный вид чередования активно функционирует и в русских заимствованиях. Пр. вчт., пдж.: *tukku*: *tukussa* 'куча: в куче'; тнг., тлм.: *tyttö tyttöt* 'девушка: девушки'; юшк.: *rappi*: *rapid* 'пота: поты'; тхв.: *n'äppi*: *n'äpil* 'щепотка: щепоткой'; кст.: *luavičča*: *luavičalla* 'лавка: на лавке'; држ.: *svičč*: *svičalla* 'свеча: при свече'.

Различия между диалектами проявляются лишь в случаях с чередованиями геминат, выступающих после сонорных согласных *l*, *r* и носового *n*. Во всех собственно карельских диалектах Республики Карелия, за исключением немногочисленных говоров поросозерского и падацкого диалектов, а также в вальдайском диалекте в открытом слоге в данном случае встречаются удвоенные геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, вступающие в отношения чередования. В остальных диалектах на их месте выступают нечередующиеся одиночные согласные. Сокращение геминат в этих диалектах произошло уже в ходе их самостоятельного развития, вероятно, под влиянием соседнего русского языка, так как, в отличие от сочетаний согласных *lg*, *rg*, *ng*, *rg*, *rd*, *nd*, *lb*, *rb*, в рассматриваемых случаях сохранились глухие согласные. Пр. кст.: *pirt't'i*: *pirt'issä* 'изба: в избе'; пнз.: *verkko*: *verkolla* 'сеть: сетью'; прз.: *čirppi*: *čirpillä* 'сеп: сепом'; влд.: *kirppu*: *kirput* 'блоха: блохи'; тхв.: *värči*: *värčit* 'мешок: мешки'; држ.: *tur'k*: *tur'kill* 'шуба: шубой'.

Качественное чередование, затрагивающие одиночные смычно-взрывные и сочетания согласных, обнаруживает больше диалектных отличий, чем количественное. Для северных и переходных диалектов собственно карельского наречия (кроме подужемского и южных юшкозерских говоров) характерно наличие глухих смычно-взрывных согласных *k*, *t*, *p*, в то время как в южных диалектах выступают звонкие согласные *g*, *d*, *b*. Однако в сочетаниях смычно-взрывных с глухими согласными *s*, *h*, *t* в обоих случаях сохранились глухие согласные, что фонетически закономерно.

Слабоступенным соответствием одиночного палатального смычно-взрывного *k/g* в зависимости от фонетического окружения выступают согласные *j*, *v* или нуль звука.

В случае положения **между двумя краткими одинаковыми гласными** собственно карельские диалекты обнаруживают наличие всех возможных слабоступенных вариантов. Так, в положении между двумя лабиальными гласными *и, у, о* во всех диалектах выступает лабиальный согласный *v*. Пр. вкн.: *koiko: kovošša* 'куча: в куче'; кнт.: *luku: luvut* 'число: числа'; тлм.: *lugu: luvut*.

Между двумя гласными *е* смычно-взрывной в большинстве северных диалектов переходит в *j*, но в переходных и южных карельских диалектах Республики Карелии происходит исчезновение согласного, что в итоге приводит к дифтонгизации долгого гласного. В диалектах же Центральной России возможны оба варианта. Такое разнообразие представительство можно объяснить лишь наличием в говорах древнего карельского языка различных слабоступенных вариантов. Пр. вкн., ухт.: *reke-: rejet* 'сани: сильная основа: ном. мн. ч.; олг.: *riet*; юшк., пдн., тнг.: *regi: reit*; влд.: *rejet/ reit*; тхв., тлм.: *rejet/ riet*.

В остальных случаях, то есть в положении между гласными *а, ä*, во всех диалектах смычно-взрывной выпадает, что также сопровождается дифтонгизацией. Так, во всех северных, переходных, а также ребольском, ругозерском, тунгудском, тихвинском и тверских диалектах мы встречаем дифтонги *иа (ја* в вьсегонском), *iä*; в поросозерском, мяндусельском и валдайском — *оа, еä*; а в паданском — *иа/ оол оа, iä/ еел еä*. Пр. влд.: *jagau: joan* 'он делит: я делю'; кст., пдн., юшк., тлм.: *juan*.

В положении **между двумя разными краткими гласными** в собственно карельском наречии также выступают все слабоступенные алломорфы. Смычно-взрывной чередуется с согласным *v* при условии, что один из окружающих гласных лабиальный. Пр. кнт., тхз., пнз.: *joki: jovet* 'река: реки'; пдж., рбл., држ.: *jogi: jovet*; тнг., всг.: *nogi: povešša* 'сажа: в саже'; влд.: *nägö: nävöt* 'лицо: лица'.

В позиции после гласного *i* в слабой ступени появляется согласный *j*. В некоторых севернокарельских диалектах он выступает также в положении перед гласным *е*. Пр. вкн., ухт.: *ikä: ijät* 'век: века'; тнг., пдн., тхв.: *igä: ijät*; юшк., тлм.: *šiga: šijat* 'свиня: свиньи'; кст.: *väki: väjet* 'сила: силы'.

В остальных случаях смычно-взрывной чередуется с нулем звука, здесь также стоит обратить внимание на дифтонгизацию. Пр. юшк., ухт.: *laki: luat* 'потолок: потолки'; всг.: *lagi: liat*; тхв., тлм.: *vägi: viät* 'сила: силы'; ргз., юшк., пдн.: *veät*.

Палатальный смычно-взрывной в позиции **после долгого гласного** чередуется с *v*, выступая после долгих *ии, уу, и с j* — после долгого *ii*. Следует отметить, что в большинстве собственно карельских диалектов где-то более, а где-то менее отчетливо наблюдается удвоение лабиального согласного *v*. Пр. кст., ухт.: *piika: piijat* 'прислуга: прислуги'; ргз., мдс., тхв.: *liiga: liijat* 'лишний: лишние'; кнт.: *ruoka: ruuvalla* 'корм: кормом'; тнг., рбл.: *ruoga: ruuvalla*; кст., тлм.: *ruvalla*.

В зависимости от фонетического окружения происходит и чередование смычно-взрывного *k/g*, находящегося в положении **после дифтонга**. Во всех диалектах слабоступенный алломорф *v/vv* выступает после дифтонгов, вторым компонентом которых является лабиальный гласный. Пр. вкн.: *hauki: havvit* 'щука: щуки'; всг.: *haugi: havvit*; вкн., юшк., тхв.: *hauvit*; ухт.: *leuka: leuvalla* 'подбородок: подбородком'; тнг., влд.: *leuga: leuvalla*; тлм.: *levvalla*.

Алломорф *j* появляется в позиции за стяженным дифтонгом на *i*. Однако в отдельных словах некоторых диалектов в данном случае *i* перед согласным *j* выпадает, что можно объяснить довольно близкой артикуляцией этих звуков. Пр. кст., кнт.: *roika: rojat* 'сын: сыновья'; пдж., ргз., држ.: *roiga: rojat*; влд., всг.: *roijat*; тхз., вчт., юшк.: *aika: aijat* 'время: времена'; пдн., мдс., тлм.: *aiga: aijat*.

В остальных редких случаях происходит полное исчезновение смычно-взрывного. Образовавшийся при этом трифтонг сокращается. Пр. кнт.: *goaka: goat* 'сырой: сырые'; тнг., пдн.: *goaga: goat*; тхв., тлм.: *guaga: guat*.

Рассмотрим случаи чередования палатального смычно-взрывного, находящегося в положении **после согласного**. При чередовании смычно-взрывного, выступающего после сонорных *l, r*, диалектные отличия в собственно карельском наречии очевидны. В северных, переходных, а также северных диалектах южной группы в слабой ступени происходит выпадение смычно-взрывного, а в остальных смычно-взрывной ассимилируется с впереди стоящим согласным, что в диалектах Центральной России было вызвано, скорее всего, аналогией с другими видами чередования, а в остальных южных диалектах изменение произошло под влиянием соседнего ливвиковского наречия карельского языка. Пр. кст., ухт., пнз.: *jalka: jalat* 'нога: ноги'; ргз., прз., влд.: *jalga: jallat*; тнг., тхв., всг.: *šelkä: šelällä* 'стина: на спине'; кст., кнт., олг.: *korko: korolla* 'мель: на мели'; пдн., прз., тхв.: *märgä: märrät* 'мокрый: мокрые'.

Для всех диалектов характерно отсутствие чередования в сочетании *nk/ ng*. Пр. вчт.: *kanki: kanket* 'лом: ломы'; ухт.: *šanki: šankit* 'шаньга: шаньги'; юшк.: *ongi: ongella* 'удочка: удочкой'; влд.: *kengä: kengättä* 'ботинок: без ботинка'.

В большинстве собственно карельских диалектов сочетание согласных *hk* находится за рамками чередования. Во всех переходных, а также поросозерском диалектах представительство чередования двояко. Такое распространение явления подтверждает его частичное исчезновение уже из восточных районов распространения древнего карельского языка. Пр.: кст., вкн., тлм.: *nahka: nahkat* 'шкура: шкуры'; юшк., пнз., прз.: *nahkat/ nahat*; кст., рбл., држ.: *tahkuo-: tahota* 'мочить: сильная основа: инф.'; кст., всг.: *riähkä: riähistä* 'грех: от греха'; тнг., влд.: *rahkehet: rahis* 'гуж: гужу'.

Что касается чередования сочетаний согласных *šk, sk*, то в северных, переходных, а также

тунгудском, ругозерском и ребольском диалектах происходит полное исчезновение смычно-взрывного. В остальных южных диалектах Республики Карелия, а также в валдайском диалекте согласный *k* ассимилируется с согласными *š*, *s*. Однако в других диалектах Центральной России встречаются оба слабоступенных варианта. Одиночные *š*, *s* в них выступают только в положении после дифтонгов или долгих гласных. Вероятно, появление геминаты в слабой ступени в большинстве южных диалектов произошло по аналогии с чередованиями *lk:ll*, *rk:rr*. Пр. тхз., пдж., рбл.: *leški*: *lešet* 'вдова: вдовы'; пдн., прз., влд.: *leššet*; влд.: *lais'ka*: *lais's'at* 'ленивый: ленивые'; тлм.: *laiska*: *laisat*; тхв.: *guoška*: *guošalla* 'хлыст: хлыстом'.

Для всех диалектов собственно карельского наречия характерно чередование *tk:t*. Пр. вчт.: *matka*: *matašša* 'путь: в пути'; юшк.: *pitkä*: *pitällä* 'длинный: длинным'; всг.: *itku*: *itun* 'плач' ном. ед. ч.; ген. ед. ч.

Слабоступенным соответствием одиночного дентального смычно-взрывного *t/d* в собственно карельском наречии являются нуль звука или согласные *v*, *j*. Чередование происходит по тем же правилам, что и в случае с согласным *k/g*, то есть на выбор слабоступенного алломорфа влияет главным образом фонетическое окружение.

Итак, в положении **между двумя одинаковыми гласными** *t/d* чередуется с согласным *v* в окружении лабиальных гласных, с *j* — в положении между гласными *e* (хотя в некоторых диалектах также происходит выпадение согласного с последующей дифтонгизацией), с нулем звука — в положении между гласными *a*, *ä* (в данном случае стоит обратить внимание на дифтонгизацию). Пр. вкн.: *kutu*: *kuvun* 'перест' ном. ед. ч.; ген. ед. ч.; тнг., тлм.: *kudu*: *kuvun*; кст., вчт., пнз.: *vete*:- *veješša* 'вода: сильная основа: инес. ед. ч.; тхв., влд., држ.: *vede*:- *veješša*; тнг., рбл., пдн.: *veissä*; ргз.: *veešša*; ухт., вкн.: *pata*: *puat* 'горшок: горшки'; тнг., ргз., влд.: *pada*: *poat*; тхв., тлм.: *puat*; всг.: *pjat*.

В положении **между двумя разными краткими гласными** на выбор слабоступенного алломорфа также влияет фонетическое окружение. Если перед смычно-взрывным или за ним выступает лабиальный согласный, то во всех диалектах собственно карельского наречия в слабой ступени выступает согласный *v*. В положении после гласного *i* дентальный смычно-взрывной чередуется с согласным *j*, однако в случае с глаголом *pityä* в слабой ступени в большинстве диалектов выступает нуль звука. В остальных позициях происходит выпадение смычно-взрывного. Пр. кнт., тхз., вкн.: *mato*: *mavot* 'змея: змеи'; рбл., мдс.: *mado*: *mavot*; тхв., влд., всг.: *redu*: *revušša* 'грязь: в грязи'; ргз., тлм.: *rida*: *rijät* 'капкан: капканы'; ухт.: *pitä*:- *pijen* 'держать: сильная основа: 1 л. ед. ч. през.; тнг., пдн., мдс.: *pidä*:- *pien*; тхз., кст., ухт.: *käte*:- *keät* 'рука: сильная основа: ном. мн. ч.; юшк., пдн., тхв.: *käde*:- *kiät*; влд.: *köät*.

В положении **после долгих гласных** дентальный смычно-взрывной чередуется с алломорфами *v*, *j* по тем же правилам, что и палатальный. Пр. вкн., кнт.: *uute*:- *uuvet* 'новый: сильная основа: ном. мн. ч.; рбл., тхв., юшк.: *uude*:- *uuvet*; пдн.: *uuet*; ухт., кнт., пнз.: *viite*:- *viijen* 'пять: сильная основа: ген. ед. ч.; ргз., влд., тлм.: *viide*:- *viijen*. После **дифтонга**, заканчивающегося на лабиальный гласный, в слабой ступени на месте дентального выступает одиночный или удвоенный согласный *v*, после стяженных дифтонгов на *i* — согласный *j*. В остальных случаях происходит выпадение смычно-взрывного согласного с последующим сокращением образовавшегося трифтонга. Пр. ухт.: *lauta*: *lauvat* 'доска: доски'; пнз.: *lavvat*; тнг.: *lauda*: *lauvat*; ргз., влд., држ.: *lavvat*; тлм.: *lauvvat*; тхз., ухт., юшк.: *aita*: *aijat* 'забор: заборы'; рбл., прз., тлм.: *aida*: *aijat*; ргз., влд.: *raida*: *raijat* 'полоса: полосы'; ухт., вкн.: *guata*:- *guan* 'работать: сильная основа: 1 л. ед. ч. през.; мдс., рбл., тлм.: *guada*:- *guan*; пдн.: *goan*.

Чередование дентальных смычно-взрывных в положении **после согласных** в диалектах собственно карельского наречия представлено однородно.

Дентальный смычно-взрывной в положении после согласных *l*, *r*, *n*, *s*, *š* ассимилируется с ними. Лишь в держанском диалекте при чередовании сочетания согласных *rd* произошли дальнейшие фонетические изменения, а именно удлинение впереди стоящей гласной и сокращение удвоенного *rr*. Пр. кст., тхз., юшк.: *pelto*: *pellot* 'поле: поля'; прз., тхв., тлм.: *peldo*: *pellot*; кнт., тхз., пнз.: *parta*: *parrat* 'борода: бороды'; рбл., тхв., всг.: *parda*: *parrat*; држ.: *paarat*; кнт., олг., юшк.: *ranta*: *rannalla* 'берег: на берегу'; пдж., рбл., всг.: *randa*: *rannalla*; вчт., тнг., влд.: *laštu*: *laššut* 'щетка: щетки'; ухт., држ.: *košto*: *koššot* 'полотно: полотна'.

При чередовании сочетания согласных *ht* во всех диалектах собственно карельского наречия происходит выпадение смычно-взрывного согласного. Пр. кнт., тнг., тлм.: *lehti*: *lehet* 'лист: листья'; вчт., ргз., прз., тхв.: *ahtahat*: *ahaš* 'тесные: тесный'.

Во всех собственно карельских диалектах лабиальный смычно-взрывной *p/b* в слабой ступени переходит в согласный *v*. Исключением является сочетание согласных *tp/mb*, когда смычно-взрывной ассимилируется в слабой ступени с впереди стоящим согласным. Пр. кст., пнз.: *leipä*: *leivät* 'хлеб: хлеба'; пдн., држ.: *leibä*: *leivät*; кст. *halpa*: *halvat* 'дешевый: дешевые'; тнг.: *varbahat*: *varvaš* 'пальцы на ноге: палец на ноге'; тхв.: *virbo*: *virvolla* 'верба: вербой'; кст., вкн., юшк.: *hampahat*: *hammaš* 'зубы: зуб'; рбл., мдс., влд.: *hambahat*: *hammaš*.

Итак, система чередования ступеней согласных во всех диалектах собственно карельского наречия сохранилась довольно близкой к древнему карельскому языку, что говорит о важной роли данного явления как в структуре слова, так и в раз-

граничении словоформ. Дialeктные отличия в рассматриваемой системе связаны, во-первых, с изменениями, произошедшими в ней еще в древнем карельском языке, во-вторых, с влиянием соседних языков. Не стоит забывать и об аналогии.

Следует отметить, что во всех собственно карельских диалектах можно найти примеры

отсутствия чередования. В первую очередь это присуще заимствованиям из русского и финского языков и неологизмам. Однако все чаще явление опрощения захватывает и исконные карельские слова. Данная тенденция грозит тем, что со временем явление чередования ступеней согласных в карельском языке может сойти на нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Беляков А. А. Фонетика села Толмачи. Петрозаводск, 1947. Рукопись.
3. Беляков А. А. Грамматика карельского языка: Карельское наречие собственно карельского языка. Петрозаводск, 1948. Рукопись.
4. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка: (фонетика, морфология). Петрозаводск: Карельский научно-исследовательский институт культуры, 1937. 79 с.
5. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Дialeктологический атлас карельского языка. Хельсинки: Финно-угорское общество, 1997. 209 с.
6. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
7. Кочуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.
8. Маньжин К. В. Очерк весьегонского говора собственно-карельского языка. 1964. Рукопись.
9. Образцы карельской речи: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел / Под ред. В. Д. Рягова, М. Есканен. Joensuu; Petroskoi, 1994. 459 s.
10. Образцы карельской речи: Тихвинский говор собственно карельского диалекта / Сост. В. Д. Рягов. Л.: Наука, 1980. 384 с.
11. Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 286 с.
12. Ahtia E. V. Karjalan kielen äänne- ja sanaoppi. Suojärvi: Karjalan kansalaisseura, 1936. 144 s.
13. Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. 87. S. 190–229, 349–386.
14. Kettunen L. Karjalan heimon ja karjalan kielen iästä ja alkuperästä // Virittäjä. 1940. 44. S. 129–144, 289–301.
15. Kujola J. Tverin- ja Novgorodinkarjalaisia satuja. Helsinki: SKS, 1932. 134 s.
16. Lehtinen T. Kielen vuosituhat. Helsinki: SKS, 2007. 215 s.
17. Leskinen E. Tverin Karjala. Helsinki: SKS, 1932. 36 s.
18. Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // Virittäjä. 1964. 68. S. 99–101.
19. Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi. Helsinki, 1931. 68 s.
20. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
21. Räisänen A. Suomen murteiden luennot. Joensuu: Joensuun yliopiston monistuskasutuskeskus, 1976. 97 s.
22. Tunkelo E. Inkeroismurteiston asemasta. Helsinki: Helsingin liikekirjapaino OY, 1952. 320 s.
23. Turunen A. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1959. 319 s.